Джули и Роман сидели рядом друг с другом на одной из старых сломанных скамеек. Они оба были насквозь промокшие из-за купания в озере, и Роман поддерживал ее, обняв за плечи.

Роман устался на землю, которая теперь была покрыта снежинками. Он выглядел так, будто глубоко задумался, а его брови были едва заметно нахмурены. Затем его глаза переместились на Джули.

"Ты замерзла", - пробормотал Роман, заметив, что Джули дрожит, а с ее губ сбегает туман.

"Я чувствую, что с моим телом что-то не так", - пробормотала Джули и придвинулась ближе к Роману. Для вампира его тело казалось более теплым, а его одежда сохла быстрее, чем ее. Сначала ей казалось, что ее тело нагревается, а теперь она чувствовала себя так, словно упала в ледяное озеро.

"Ты смогла увидеть, какие способности у тебя есть?" - спросил Роман, и Джули покачала головой.

"Нокс сказал, что я смогу использовать прежние способности, которые я могла использовать раньше, которые до этого колебались", - ответила Джули, и почувствовала, как Роман убрал руку с ее плеча и встал. Она подняла на него глаза.

"Позволь мне разогреть тебя, прежде чем мы попробуем что-то сделать. Последнее, что нам нужно, это чтобы ты подхватила жар, особенно в такую погоду", - заявил Роман и поднял обе руки вперед, после чего в его ладонях появилось яркое пламя.

Пламя окружило Джули, как стена, почти как будто обволакивая ее, но не причиняя ей вреда. Джули почувствовала жар, и ей стало тепло. Вскоре ее одежда начала высыхать, а капли воды, оставшиеся на ее коже, начали испаряться.

"Теперь все лучше", - сказал Роман, и пламя от его рук медленно уменьшилось и исчезло. Он протянул руку Джули, и когда она положила свою руку на его, он притянул ее к себе и обнял. "Это место... в этом месте есть что-то очень странное, что заставляет меня немного беспокоиться, что оно снова заберет тебя у меня, Винтерс".

Джули почувствовала, как рука Романа нежно погладила ее по затылку, и она обняла его в ответ: "Я никуда не уйду, и ты уже обещал, что если я уйду, ты меня найдешь".

"Да, конечно, найду", - Роман прижал ее еще ближе, и в то же время его глаза уловили звук шагов.

Когда он посмотрел вперед, то заметил, что это Донован и Корвин, который был отцом Джули, Нокс здесь. Роман заметил, как в глазах Нокса мелькнуло раздражение, когда он увидел, что Джули обнимает его.

"Джули", - позвал Нокс свою дочь, и Джули слегка обернулась, испугавшись упоминания своего имени, которое прозвучало не от Романа.

Когда она вырвалась из объятий Романа и повернулась, то увидела Нокса, стоящего недалеко от них с мрачным и неприятным выражением лица. Джули прочистила горло. Хотя до сих пор их не связывали узы отца и дочери, это не уменьшало неловкости, витавшей в воздухе.

"Есть кое-что, о чем я хотел бы поговорить с тобой наедине", - сказал Нокс, и хотя его слова были обращены к Джули, его глаза были устремлены на Романа.

В трех шагах от Корвина стоял Донован, на лице которого было спокойное выражение. Джули кивнула головой и сделала один шаг в сторону Нокса, когда Роман схватил Джули за руку.

На лице Джули появилось изумленное выражение, она недоумевала, что произошло.

Но в следующую секунду Роман заставил Нокса сузить глаза и посмотреть на молодого вампира, а Донован поднял брови.

Роман притянул Джули к себе, чтобы быстро чмокнуть ее в губы, и она покраснела, как будто они целовались в первый раз. Он сказал: "Я буду здесь, ждать тебя".

Джули кивнула головой, состроив лицо так, чтобы Нокс или Донован не увидели ее покрасневшего лица. Когда Роман отпустил ее руку, она почувствовала его нежелание и сказала,

"Я скоро вернусь".

Джули подошла к месту, где стоял Нокс, заметив застывшее выражение на его лице, которое стало еще жестче, чем раньше. "Следуй за мной", - сказал Нокс и повел ее прочь оттуда.

Донован, который ранее засунул руки в карманы, теперь вынул их и подошел к месту, где стоял Роман. Он сказал: "Похоже, тебе нравится провоцировать ее отца. Как ты думаешь, это мудрое решение?".

"Наверное, это что-то приобретенное", - ответил Роман, не сводя глаз с отца и дочери, которые продолжали идти дальше в лес.

"Мм, я могу сказать это, - глаза Донована весело блеснули, и он сказал: "Не то чтобы я возражал. Я всегда хотел спровоцировать его, но обычно это было трудно сделать".

"Из-за Опалины?" - спросил Роман и вернулся к скамейке. Присев, он достал пачку сигарет и прикурил от одного конца, после чего щелкнул зажигалкой.

Глаза Донована уставились на Романа, заинтригованные его вопросом, и он спросил: "Это тебе сказала маленькая ведьма?". На его губах появилась улыбка, и он ответил: "У нас с Опалиной были очень сложные отношения. Но не волнуйтесь, я не был отцом ее детей, так что ни тебе, ни твоей возлюбленной не стоит волноваться по этому поводу".

Старший вампир подошел и сел на скамейку рядом с Романом.

Роман затянулся сигаретой и выпустил дым прямо в воздух, глядя перед собой.

Донован почувствовал, что в голове Романа что-то происходит, и спросил: "Ты хочешь о чем-то поговорить, Роман?".

"Смотря о чем ты можешь говорить", - ответил Роман, и улыбка на губах Донована расширилась.

Донован пристально посмотрел на Романа, а затем спросил: "Как много ты слышал?".

Роман не перевел взгляд на Донована, вместо этого он продолжал смотреть перед собой с пустым выражением лица. Его правая рука покоилась на колене, а запястье, которое продолжало держать сигарету между пальцами, было свободным.

Младший вампир ответил: "Достаточно, чтобы проклясть мою способность слышать то, что находится далеко от меня".

"У меня вылетело из головы, что у тебя хорошая способность слышать по сравнению с другими вампирами. Лучшая. Как глупо с моей стороны", - хмыкнул Донован, в его голосе не было ни раскаяния, ни вины на лице.

"Ты должен знать, что сейчас я не заинтересован в разговоре с тобой. Я был бы признателен, если бы ты покинул меня и нашел себе более полезное занятие", - заметил Роман незаинтересованным тоном.

"Я подумал, что ты захочешь поговорить со мной об этом. Может быть, ты сможешь задать мне вопросы, чтобы я мог ответить..."

"Не интересно."

Донован был удивлен ответом Романа и отстраненностью его тона. Это заставило его задуматься о том, не говорит ли в нем сейчас его бунтарская сторона.

"Ты уверен в этом?" - спросил Донован, как бы пытаясь спровоцировать Романа, который перевел взгляд на старшего вампира, где его глаза были пуще, чем его слова.

"Почему ты думаешь иначе?" спросил Роман в ответ, и Донован кивнул головой, немного удивленный, потому что полагал, что разговор будет более жарким, а не таким холодным, как у дохлой рыбы. "Я пойду прогуляюсь и проверю, о чем Нокс говорит с Джули", - сказав это, он встал и пошел прочь.

Когда Роман исчез из поля его зрения, Донован наклонил голову и сказал: "Какой грубый мальчик. Мне интересно, от кого он заразился такой отстраненностью - от меня или от нее".

Донован точно знал, о чем говорит Роман, и ему хотелось, чтобы он сказал это вслух, но мальчик был упрямым и замкнутым, как и его мать. Но он мог сказать, что в нем разбушевался нрав, и ему хотелось выплеснуть его наружу, который в данный момент он держал под контролем.

Отойдя от Донована, Роман сделал еще одну затяжку сигареты, бесстрастно проходя мимо деревьев. Его черные ботинки оставляли отпечатки на заснеженной земле, и хотя в Ветерисе не было снега, Виллоу Крик из-за проклятия взял на себя смелость поддерживать свою погоду.

Роман перестал идти, и хотя в сигаретной пачке оставалось еще немного, он бросил ее на землю, и она быстро погасла.

Роман ударил кулаком по дереву, которое стояло рядом с ним. От удара дерево затряслось, и снежинки, осевшие на листьях и ветках, упали на землю. Его глаза стали кроваво-красными от гнева, и показались клыки, словно он хотел оторвать голову Старшему вампиру.

Роман тяжело дышал, а его руки тряслись от гнева.

Его раздражал тот факт, что из всех людей именно Донован оказался его биологическим отцом. Ярость брала верх, и все, что он хотел увидеть, - это кровь. Когда он вытащил руку из дерева, в ней осталась большая дыра, на костяшках пальцев были синяки, капли крови скатывались с руки и падали на белую землю.

Роман почувствовал, что что-то пошло не так. Ведь лорд Малкольм Молтенор был человеком чести и больше всего ценил свою семью. Именно поэтому то, что он взял к себе любовницу, когда у него была жена, никогда не могло прийти ему в голову.

Роман не хотел этого слышать, это было не то, что он должен был услышать, разговор между Донованом и Ноксом предназначался только для них, но его слух уловил отдельные слова прежде, чем он соединил точки.

Когда он повернулся, то увидел Донована, который направлялся туда же, куда и он. Этот навязчивый вампир, мысленно проклинал он вампира. Теперь стало понятно, почему он был так привязан к нему, хуже, чем жевательная резинка, застрявшая в волосах.

"У тебя хватает наглости приходить сюда и вести себя так, как будто ничего не произошло", - прокомментировал Роман, чей характер вышел из-под контроля, и Донован моргнул ему.

"Я сказал тебе, что готов поговорить, но ты, похоже, не хочешь", - ответил Донован.

"Просто убирайся из Виллоу Крик, пока я не попытался обуглить тебя до самых костей", - пригрозил Роман, который не хотел сейчас видеть лицо Донована.

"Как грубо. Я веду себя вежливо, а ты хочешь меня поджарить. В городе есть птица, может, тебе стоит поджарить Корвина, и у тебя будет больше шансов удержать маленькую ведьму при себе. У нас также будет что-нибудь стоящее поесть", - Донован попытался спровоцировать Романа, и тот бросил на него взгляд.

"Я сделаю это, как только покончу с тобой", - сказал Роман, и огонь быстро появился в руках Романа, после чего он направил его прямо на Донована.

Старший вампир быстро и изящно увернулся, на его лице появилась улыбка, и он сказал: "Ты не можешь навредить мне огнем, Рим. Твоя способность исходит от меня. Не будь поспешным".

"Я знаю об этом. Но ты забываешь, что я могу причинить тебе больше вреда, чем ты мне", - оскалился Роман, и огонь вспыхнул в лесу, словно ветер, пронесшийся мимо деревьев, где они стояли.

"Такой сильный темперамент, что мне очень нравится смотреть на него. Это делает тебя живым, как будто ты носишь в себе гнев двух людей", - Донован попытался отодвинуться от огня, прежде чем он вызвал свою собственную способность, и из-под его ног появился темный туман, похожий на дым. "Ты же знаешь, что мы оба можем сесть и спокойно поговорить друг с другом".

"Думаю, для этого уже довольно поздно", - ответил Роман, и прежде чем Донован успел это понять, Роман пробрался между огнем и встал перед Старшим вампиром, чтобы ударить его. Донован поймал руку Романа, но это не помешало младшему вампиру нанести еще один удар рукой прямо в живот Старшего вампира. "Ты знаешь, что заслуживаешь этого за то, что ты начал".

Услышав слова Романа, Донован отпустил руку Романа и получил удар прямо в лицо, который заставил его пошатнуться на несколько шагов от Романа.

Безумная ярость охватила Донована, и, заметив, что он не сопротивляется, Роман вцепился в воротник Донована: "Разве ты не жалок, что даже не сопротивляешься?".

Еще один удар пришелся в лицо Донована, и он провел языком по уголку рта: "Твои удары становятся сильнее один за другим. Я принимаю наказание за то, что я сделал. И кто может

быть лучше, чем мой..."

"Даже не смей", - Роман остановил Донована, прежде чем тот открыто признался, как они связаны друг с другом. "Я Роман Молтенор, и никто другой. Я признаю тот факт, что ты превратил меня в вампира, но это все, что ты получишь".

"Роман Донован звучит не так уж и плохо", - заявил Донован, а взгляд Романа не ослабевал, наоборот, Старший вампир лишь пытался спровоцировать Романа, чтобы тот выплеснул весь внезапно появившийся гнев.

"Я убью тебя на хрен", - Роман послал еще один взгляд, прежде чем отвернуться, а огонь и дым медленно улеглись и растворились в воздухе.

Родство с Донованом было достаточной головной болью, как человека, обратившего его, но осознание того, что это нечто большее, раздражало Романа. Он провел пальцами по волосам и откинул их на бок.

"Когда ты узнал об этом?" - спросил Роман, переведя взгляд на Донована.

"За несколько часов до нашей встречи".

Челюсть Романа сжалась. Он спросил,

"Так что же заставило тебя сбежать от моей матери, что тебе пришлось искать другого мужчину, чтобы заставить его заботиться о ее сыне? Или ты был слишком занят другими ведьмами, которые подходили тебе больше, чем человек, которого ты оплодотворил и решил оставить на произвол судьбы?"

"В свою защиту скажу, что я понятия не имел, что она носит тебя. Если бы я знал, сегодня все было бы по-другому", - заявил Донован, его взгляд был прикован к Роману.

"Ты бы убил меня или ее?". Когда Донован был так близко, всегда витал вокруг него, как жужжащая пчела, а Роман был человеком, который наблюдает за людьми, он точно знал, что должно было произойти в голове старшего вампира.

"Мне не нравится, что где-то больно", - согласился Донован, и с губ Романа слетела обида.

"Ты и боль не сочетаются в одном предложении, может быть, больно кому-то другому", - ошарашил Роман.

Донован кивнул головой: "Согласен, это была моя первая мысль, когда я узнал об этом. Но сейчас это всего лишь гипотеза, не так ли?" - спросил он Романа. "Мы не можем быть уверены,

какой была бы моя реакция, если бы я узнал, что Лилиан носит тебя, моего сына, в своей утробе. Убил бы я тебя или вас обоих... или забрал бы ее с собой".

"Так что же остановило?" Гнев медленно начал закипать в глазах Романа, но раздражение продолжало оставаться там.

"Твоя мать и я... мы были вместе, когда я приехал навестить деревню, где она жила. Лилиан знала, что я был человеком, который не мог обеспечить ей настоящих отношений, что то, что у нас было, было мимолетным. У меня были свои причины оттолкнуть ее от себя... Но я и представить себе не мог, что приеду туда спустя годы и узнаю, что она скончалась и что ты существуешь", - ответил Донован, и на его губах появилась улыбка. "Я действительно приехал с намерением увидеть, как ты выглядишь или каким ты был... мальчик, которого мы с Лилиан сделали вместе. На мгновение мне захотелось убить тебя..."

"Тебе следовало бы", - пробормотал Роман себе под нос. "Это позволило бы мне не знать, что мы кровные родственники".

"Это была мимолетная мысль, но ты оказался совсем не таким, как я ожидал. Ты напоминаешь мне свою мать, такой замкнутый. Лилиан много значила для меня", - Донован не любил говорить о своих эмоциях или чувствах, особенно когда это касалось женщины, которая была человеком, и он старался держаться от нее на расстоянии. "Я прошу прощения за то, что не пришел позаботиться о твоей матери".

"Ты знаешь, через что ей пришлось пройти? Ты действительно какой-то не такой человек... По крайней мере, Малкольм Молтенор был больше мужчиной, чем ты можешь представить", - губы Романа искривились в отвращении.

"Тебе позволено злиться на меня, и это оправдано..."

"Не вмешивайся в мои дела, Азазель", - слова Романа были резкими и холодными. "Ты не мог быть рядом с ней раньше, так что ты не должен чувствовать себя виноватым, заглаживая свою вину, оставаясь рядом со мной. Мне было хорошо без тебя до этого, и после тоже будет хорошо".

Улыбка на губах Донована дрогнула, когда она исчезла с его губ. В его глазах появилась капля тьмы, и он сказал,

"Я не знал о состоянии твоей матери. Пока я был здесь, она была дорога моему сердцу, а ты - мое сокровище, Рим. Нравится тебе это или нет, но ты не можешь изменить того, что я твой отец".

"Только по крови", - ответил Роман, его глаза стали холодными.

"И я пытаюсь все исправить".

"Нет ничего сломанного, что можно было бы исправить. Тебе не нужно это исправлять", - отчеканил Роман и, развернувшись, пошел прочь, потому что сомневался, что сможет выдержать присутствие рядом с Донованом. По крайней мере, не в ближайшие несколько минут.

Он задался вопросом, был ли сегодня день откровения отца, когда и Джули, и ему сказали, кто их биологические родители.

Мистер Эванс, который прогуливался в одиночестве, подслушал разговор Донована и Романа и услышал, как Донован сказал,

"Как долго ты собираешься там стоять, Салливан".

"Я не хотел вмешиваться, мистер Донован", - мистер Эванс отошел от дерева, на его губах появилась небольшая вежливая улыбка.

"Меня раздражало, что ты находишься здесь, когда я веду семейный разговор. В следующий раз иди в другом направлении", - приказал Донован, и мистер Эванс слегка поклонился.

"Я обязательно буду иметь это в виду", - ответил советник Ветериса.

"Знает ли Данте, что ты работал с Корвином?" - спросил Донован.

"Нет, сэр. Госпожа приказала мне ни с кем не говорить об этом", - ответил мистер Эванс и через две секунды сказал: "Она велела мне передать вам привет".

"Очень вежливо с ее стороны", - ответил Донован, его глаза хитро сузились. "Когда она передала вам привет?"

"Вчера".

"И это все?" - спросил Донован, и советник пристально посмотрел на старшего вампира, прежде чем шагнуть к нему. Мистер Эванс достал что-то из кармана и протянул Доновану.

"Леди Опалин сказала, что вам может понадобиться это. Она сказала, что не могла дать вам это раньше", - сказал мистер Эванс, и Донован едва заметно нахмурился и слегка удивился.

"Я думал, что она никогда не сможет этого сделать", - прокомментировал Донован и взял в руки тощий и изогнутый стеклянный пузырек.

"Она сделала его сразу после того, как вы вошли в город и уехали. Я думаю, она хотела отдать его вам, но так и не смогла найти вас в одиночестве или в безопасном месте в то время", - сообщил мистер Эванс старшему вампиру.

"Мне показалось, что я кого-то видел в тот день... до того, как на город пало проклятие", - хмыкнул Донован и поставил перед собой стеклянный пузырек, рассматривая кристально чистую жидкость внутри него. Тем вечером, после того как Донован вышел из кабинета магистрата и отошел от Еноха, он почувствовал чей-то взгляд, но из-за сильного дождя было трудно определить, кто это был. "Она еще что-нибудь приготовила?"

"Мне не дали об этом никакой информации, кроме того, что я должен передать это вам".

"Ты знаешь, когда ты увидишь ее снова?" - спросил Донован, и мистер Эванс поджал губы.

"Согласно хронологии того, когда она пришла на встречу вчера вечером и в какое время это было в прошлом, я не думаю, что мы ее увидим", - ответил мистер Эванс.

"Как жаль, что я не могу поблагодарить ее", - сказал Донован и повертел в руках стеклянный пузырек.

"У миледи есть ответ, мистер Донован", - услышав слова советника, глаза Старшего вампира переместились на мистера Эванса. "Она сказала, что это возмещение за прошлое и обещание на настоящее и будущее. Что вы можете вернуть веру в то, что потеряли".

"Всегда безупречная ведьма", - уголок губ Донована дернулся вверх. "Ты знаешь, что это такое, Салливан?"

"Нет", - быстро ответил мистер Эванс. Когда Опалин готовила зелья, Эванс обычно охранял дом, следя за тем, чтобы никто не вошел и не подсмотрел за происходящим,

"Это зелье для перезагрузки человека. Вампир, ведьма, или что там есть, о чем мы не знаем, все вернется в исходное состояние. Человек", - улыбнулся Донован и сунул стеклянный пузырек в карман.

Вдали от всех Нокс повел Джули дальше в лес, где она слышала шум журчащей воды, как будто рядом был водопад. Листья перестали шелестеть из-за выпавшего на них снега, что затрудняло ходьбу. Это была комфортная тишина, которая умиротворяла, пока она смотрела вокруг, она увидела, что Нокс, наконец, перестал идти.

Джули тоже остановилась и увидела, как Корвин повернулся, чтобы встретиться взглядом со своими карими глазами.

"Джулиана", - начал Нокс, и было что-то очень меланхоличное в том, как он назвал ее имя.

"Мы не так много времени провели вместе, и ты едва знаешь меня. Но я хочу сказать тебе, что ты в полной мере моя дочь и Опалин, несмотря на то, что твоей матери пришлось отослать тебя от нас".

"Мне понадобится еще несколько часов, чтобы... но у меня получается", - Джули неловко улыбнулась.

"Я знаю, что это так. Твоя мать... Она сказала, что видела тебя. И что ты красивая", - сказал Нокс, и Джули нахмурила брови.

"Она видела меня?"

Нокс слегка кивнул: "Перед смертью она хотела увидеть тебя и сказала что-то о... она хотела бы знать, что это ты".

"Что ты имеешь в виду?" - спросила Джули, не понимая его слов.

"Честно говоря, я и сам не уверен. Опалин... у твоей матери была привычка говорить загадками, оставлять пустое место, чтобы его заполнил другой", - ответил Нокс, не сводя с нее взгляда.

Он знал, что будет скучать по ней, но в то же время был благодарен за то, что смог увидеть ее перед уходом.

"Я был одним из немногих, кто мог заполнить ее пробелы, может быть, поэтому я все еще был рядом, и она приложила усилия, чтобы сделать меня таким", - Нокс поднял руку, и Джули заметила, что кончики его пальцев превратились в деревянные веточки, и теперь они медленно приближались к его запястьям. "Я мог изменить его только дважды. Чтобы казаться более человеческим, чем мертвые. И я выбрал это сразу, когда был рядом с ней. Я очень любил ее. Но каждый должен однажды умереть, и время никогда не бывает слишком далеким, когда нужно уходить".

Губы Джули сжались, и она почувствовала, как тяжесть начинает расти в ее груди. Ее губы разошлись, и она спросила: "Вам... нужно идти сейчас?"

"Через пару часов. Часов - это все, что у меня есть, мое дорогое дитя", - сказал ее отец, и отстраненное выражение его лица не облегчило Джули задачу.

Сначала узнать о своих родителях, а затем о том, что этот человек покидает ее, не дало Джули много времени на обработку информации, и она уставилась на Нокса.

"Что произойдет через пару часов?" - спросила Джули, затаив дыхание в ожидании ответа.

"Я превращусь в пепел, и выпадет еще больше снега, прежде чем он превратится в воду и унесет меня отсюда".

"Неужели нет способа сохранить тебе жизнь? Сохранить тебя здесь... рядом со мной?" Джули потеряла своих родителей, и теперь, когда она узнала о своем настоящем отце, она хотела, чтобы он остался и не покидал ее.

Нокс пристально посмотрел на нее и сказал: "Есть способ, более неэтичный, чем другие, которые ты знала. Но я предпочитаю не делать ничего близкого к этому".

"Какой?" - спросила Джули, видя надежду удержать отца. Так называемый отец, с другой стороны Виллоу Крик, хотел разыскать ее. Она хотела иметь нормальную семью, иметь семью... Она сказала: "Я теперь ведьма, у которой есть доступ к вещам, не так ли? Может быть, я могу попытаться помочь тебе с этим".

"Не предлагай помощь, не зная, в чем она заключается, Джули", - посоветовал Нокс, - "Иногда это будет стоить тебе очень дорого".

"Но вы мой отец", - ответила Джули и увидела, что мужчина улыбнулся.

Когда он продолжал улыбаться, она заметила, что один из его глаз стал впалым, без глазного яблока. Точно так же, как глаза Корвина.

"Ты забыла, что вампир говорил обо мне?"

Джули нахмурилась, пытаясь вспомнить разговор, и тут ее наконец осенило: "Тебе придется есть мертвых...?"

"Нет", - спокойно ответил мужчина, и сказал: "Корвин... он может продлить свою жизнь. Сближаясь с ведьмой, иногда, как паразит, он высасывает душу и энергию. Корвин способен высасывать из ведьмы живую силу, убивая ведьму и поглощая последнюю душу ведьмы."

Ну... это звучит не очень хорошо, подумала Джули, и ее мысли отразились на ее лице.

"Значит ли это, что ты убил мать до того, как люди здесь убили ее?" - спросила Джули, и Нокс кивнул головой. "Поэтому... мать не может быть Корвином? Из-за того, что ее душа была поглощена".

"Я не уверен. История ведьм, неясно, кто превращается в Корвина, а кто не может быть превращен. Это то, что было трудно выяснить. Но пока что я не смог почувствовать здесь никаких Корвинов, кроме меня", - объяснил Нокс. "Это не что иное, как загадка".

"Я бы хотела, чтобы вы пошли со мной, подальше от этого места", - сказала Джули, и мужчина по-доброму улыбнулся ей.

"Нехорошо загадывать желания о том, что никогда не произойдет. Ты только усилишь боль и тоску в своем сердце. Это касается и ваших отношений с этим вампиром", - заявил Нокс, и улыбка покинула его губы. "Мальчик не принесет удачи".

"Потому что он вампир?" - спросила Джули.

"Это нечто большее", - ответил Нокс, его глаза переместились на деревья, окружавшие их, и он сказал: "Он принесет смерть на твой порог, Джули. И из-за этого ваши отношения не сложатся".

"Мы с Романом любим друг друга, мы никогда не причиним вреда другому человеку", - попыталась донести до него Джули. Она хотела, чтобы Нокс принял Романа, и сказала: "Мама приняла его вчера. Тебе нужно только провести с ним немного времени".

Это задело нервы Корвина, а выражение его лица осталось прежним.

"Это из-за рода, из которого он происходит... ты можешь назвать это ортодоксальным или суеверным, но иногда некоторые из них хранят проклятия, и они проливаются или осыпают тех, кто приближается к ним. Твоя мать, должно быть, не знала о его родословной, но теперь, когда я узнал, я не могу не беспокоиться о тебе", - на лице мужчины появилось мрачное выражение, пока он продолжал смотреть куда-то вдаль, а затем его взгляд переместился на Джули, на лице которой появилось растерянное выражение.

"О какой родословной вы говорите, о проклятии, я имею в виду", - она хотела получить больше подробностей и доказательств, чтобы прояснить ситуацию.

"О таком, которое приносит смерть, куда бы человек ни пошел".

Джули несколько секунд смотрела на Нокса, ее собственное выражение лица отражало его, и она сказала: "Это немного натянуто, не так ли? Роман никого не убивает, то есть убивает, но только по определенным причинам". Она сомневалась, что это прозвучало правильно, и попыталась объяснить еще раз: "Он никогда бы не попытался причинить мне вред... отец".

Может быть, разыгрывание карты отца и дочери поможет облегчить беспокойство мужчины, подумала Джули.

Лицо Нокса смягчилось, когда Джули назвала его отцом, как и его сердце, но это только усилило его беспокойство за нее.

"Ты можешь сказать мне, что все люди, о которых он очень заботится и к которым привязан,

живы? Что рядом с ним не было ни одной смерти?"

"Люди умирают из-за странных обстоятельств или иногда из-за нападения, но это не значит, что человек приносит несчастье", - попыталась объяснить ему Джули, болея за Романа.

"Это не отвечает на мой вопрос. А что насчет его матери? Или других родственников", - спросил Нокс, поджав губы, а затем сказал: "Твоя мать тоже этого не заметила, и ей просто повезло, потому что человек был несовместим, но я это заметил".

А?

"Мать не видела?"

"Отец мальчика... он похож на нее", - услышав слова отца, Джули наконец осенило. Неудивительно, мысленно сказала она себе. "У твоей матери были братья, но они умерли примерно в то же время, когда вампир вошел в ее жизнь. Всех убили... Первопричина всегда исходит от них. Донован, вероятно, знал о том, какой эффект его присутствие оказывает на людей, и он не остался рядом с матерью мальчика. Некоторые вещи нельзя обратить вспять, и это принесет тебе только несчастье и смерть".

"Это неправда", - пробормотала Джули себе под нос. "Иногда случаются вещи, нельзя сказать, что это проклятие..."

"Ты действительно можешь так сказать? О мальчике, из-за которого тело его матери ослабло, и она уже никогда не была такой, как прежде", - слова Нокса были гораздо мягче, чем прежде. Он подошел к месту, где стояла Джули, и положил руку ей на плечо. "Я знаю, что это трудно принять, но некоторым вещам не суждено быть".

<http://tl.rulate.ru/book/71707/2063309>